

Французский позитивизмъ.

(Окончанie.)

(Полупозитивисты: Гюйо и Тардъ.)

II.

Гюйо (Guyau), какъ тѣсно связанный съ Фуллье представитель полупозитивизма.

Относительно подробное обозрѣніе философіи Альфреда Фуллье, самаго важнаго представителя всей группы полупозитивистовъ, даетъ мнѣ право ограничиться только самою общую и бѣглою характеристикой двухъ остальныхъ: Гюйо и Тарда. Тѣмъ болѣе я могу обойти всякия подробности относительно философіи Гюйо, что этотъ мыслитель, по своей тѣсной дружбѣ съ Фуллье и по влиянию, которое тотъ имѣлъ на него, какъ старшій возрастомъ, чрезвычайно близко сходится съ нимъ и въ общемъ направлениіи, и въ существенныхъ пунктахъ философскихъ воззрѣній. Въ концѣ концовъ, они отличаются другъ отъ друга только второстепенными, преимущественно индивидуальными, особенностями. Поэтому я прежде всего перечислю главныя философскія сочиненія Гюйо и, кстати, укажу на важнѣйшия пункты совпаденія его философіи съ философіей Фуллье. Для этого я воспользуюсь однимъ мѣстомъ книги того же Фуллье, где это перечисленіе со-

проводится чрезвычайно краткою, но въ то же время довольно вѣрною оцѣнкой содержанія сочиненій Гюйо *).

„Труды Гюйо начинаются сочиненіемъ „La morale d'Epicure“ (о морали Эпикура), представляющимъ изложеніе и критику эпикуреизма, а въ то же время и обширный трактать о матеріи съ совершенно новыми взглядами на теорію случайности и свободы у Эпикура **). Продолженіемъ этого труда служить не менѣе глубокое сочиненіе: „La morale anglaise contemporaine“ (Современное англійское учение о морали) ***), которое ученикъ Спенсера, Pollock, считаетъ, безъ всякаго сравненія, замѣчательнѣйшимъ изъ всѣхъ тѣхъ, которыя даже въ Англіи касались этого предмета. Далѣе, сочиненіе—„L'esquisse d'une morale sans obligation, ni sanction“ (Очеркъ моральной системы безъ обязательствъ и санкціи) представляетъ теорію жизни и творчества (*fécondité*) въ сферѣ морали, вводящую въ натуралистическую этику существенно-новые элементы, дающую оригинальное опредѣленіе „эквивалентовъ моральности“ и тонкую, сильную критику традиціонныхъ идей: обязанности

*) Эта книга Фуллье озаглавлена такъ: «La morale, l'art et la religion d'apr s M. Guyau» par Alfred Fouill e . Paris, 1889 и представляетъ какъ бы дорогой надгробный памятникъ надъ могилою безвременно погибшаго мыслителя, воздыгнутый горячимъ и глубокимъ чувствомъ дружбы. Гюйо умеръ 33-хъ лѣтъ, въ 1888 году; отличаясь большою эрудиціей, рѣдкою раннею зрѣлостью таланта и энергией въ трудахъ, онъ въ свою не долгую жизнь успѣлъ создать цѣлую серію замѣчательныхъ философскихъ произведеній, высоко оцѣненныхыхъ специалистами не только во Франціи, но и за границей.

**) Изъ этого сочиненія можно ясно видѣть, что Гюйо принялъ отъ Фуллье и „методу соглашенія доктринъ“ и что онъ сходится съ нимъ не только въ возврѣніяхъ, но даже какъ бы и во вѣшнихъ обстоятельствахъ философской дѣятельности. Какъ и Фуллье, онъ начинаетъ съ изученія древней философіи (Платона, Эпікета) и далѣе переходитъ къ Канту. Подобно Фуллье, онъ уже съ первыхъ шаговъ своей дѣятельности возбуждаетъ вниманіе ученаго міра и, имѣя только 19 лѣтъ, за свою первую работу уже получаетъ премію отъ Академіи. Съ другой стороны, его первые труды: объ Эпікуре и о современной англійской философіи—ясно свидѣтельствуютъ, что психологическимъ мотивомъ для нихъ служилъ беспокойный вопросъ о *согласіи* Платона и Канта съ утилитаристами и эволюціонистами.

***) Это сочиненіе носитъ на себѣ ясные слѣды вліянія Фуллье, наприм., въ понятіи свободы и въ соглашеніи „натурализма съ идеализмомъ“.

и санкції *). Въ сочиненіи: „Les problèmes d'esthétique contemporaine“ (Проблемы современной эстетики) мы имѣемъ вполнѣ основательную доктрину о серьезномъ въ искусствѣ и теорію жизни, по которой она есть *основаніе для прекраснаго*, —теорію, исправляющую и Канта, и Спенсера, видящихъ въ искусствѣ „игру“. Что же касается до сочиненія: „Vers d'un philosophe“ (Стихи философа), то оно служить его личнымъ примѣромъ серьезнаго и искренняго искусства, въ которомъ всегда звучитъ истина и которое поэтому всегда дѣйствуетъ трогательно. Позднѣе же въ искусство вносится соціологическая точка зритія **) вмѣстѣ съ новыми критическими принципами, которые изъ нея вытекаютъ. Въ другомъ соціологическомъ этюдѣ: „Éducation et hérité“ *** (Воспитаніе и наследственность) мы находимъ аналогичныя начала, обновляющія теорію воспитанія и имѣющія цѣлью показать, какъ воспитаніе можетъ противодѣйствовать уже установившійся наследственности въ пользу новой наследственности. Наконецъ, сочиненіе: „L'irreligion de l'avenir“ (Безрелигіозность въ будущемъ) представляетъ преобразованіе науки о религіи посредствомъ приложения той же соціологической методы и служить какъ бы вѣнцомъ для всѣхъ этихъ различныхъ трудовъ. Въ немъ содержится общая картина великихъ метафизическихъ системъ съ новыми и смѣлыми взглядами на будущее человѣчества и міра, —однимъ словомъ, учение о жизни и ея индивидуальномъ или коллективномъ расширениі (expansion), которое даже изъ самой метафизики дѣлаетъ самое высшее проявленіе и основной потокъ жизни. Всѣ эти труды въ области философіи свидѣтельствуютъ о томъ, какъ прекрасно этотъ молодой

*) Эта „истинная и научная этика“ представляетъ, съ одной стороны, особое развитіе принципа, съ которымъ мы уже встрѣтились у Фуллье, а именно, что скептицизмъ, неизбѣжный въ силу нашего незнанія основы вещей, долженъ считаться этическимъ началомъ воздержанія, а съ другой, это—отраженіе борьбы Фуллье съ кантовою идеей долга.

**) Въ сочиненіи: L'art au point de vue sociologique.

***) Есть хороший переводъ этого сочиненія на русский языкъ К. К. Толстого.

человѣкъ въ теченіе своей 33-лѣтней жизни реализировалъ свой собственный идеаль плодотворной жизни“.

„Что же касается до его значенія, какъ литератора, то если выбрать изъ его книгъ мысли, которыя поражаютъ своею силой и глубиной, а также и краснорѣчивыя страницы, которыя, никогда не погрѣшая противъ естественности, нерѣдко представляютъ образецъ возвышенного, то можно составить сборникъ, который выдержалъ бы сравненіе со многими книгами, сдѣлавшимися классическими. Но рѣдкія качества его, какъ мыслителя и писателя, достигаютъ самой высшей степени въ „*L'irrелигion de l'avenir*“, гдѣ обнаруживается свойство, одинаково цѣнное какъ въ философіи, такъ и въ литературѣ, а именно: абсолютная искренность, съ которою онъ смѣло поднимаетъ всяческие вопросы и затрагиваетъ господствующія идеи, не заботясь о томъ, что о немъ подумаютъ или скажутъ, но только стараясь настолько же приблизиться къ дѣйствительности, насколько вѣроятнѣй стремится приблизиться къ Богу“ (см. названное сочиненіе Фуллье, стр. 190—191).

Послѣднее сочиненіе Гюйо: „*L'irrелигion de l'avenir*“, самое блестящее изъ всѣхъ, подаетъ мнѣ поводъ указать и на другіе, кромѣ вышеупомянутыхъ, пункты совпаденія его съ Фуллье. Подобно этому послѣднему, и онъ отрицаетъ трансцендентную метафизику и признаетъ только имманентную, опытную. Точно также и у Гюйо достовѣрность и истина есть принадлежность науки, а метафизика должна создать гипотезы, которыя бы дополнили научное знаніе, главнымъ образомъ, ради морали. Подобно Фуллье, и Гюйо относится скептически къ идеѣ Бога, потому что идеи какъ Творца, такъ и Провидѣнія требуютъ весьма труdnаго оправданія для зла, несомнѣнно существующаго въ мірѣ *). Но Гюйо признаетъ важность для людей этихъ идей и не прочь

---

*.) Собственно, не по своей сущности, идеи Творца, Провидѣнія и зла представляютъ затрудненія, а потому, что сами философы въ теченіе вѣковъ внесли въ эти понятія множество неосновательныхъ и несовмѣстимыхъ элементовъ, въ чёмъ, по-моему, повинны и Фуллье съ Гюйо.

отъ того, чтобы онѣ оставались въ качествѣ какой-то *темной и неопределенней основы* вещей. Но главное, что, по мнѣнію Гюйо, не благопріятствуетъ этимъ идеямъ, это то, что наука не находитъ ничего божественнаго въ природѣ: вселенная безконечна, безъ всякаго центра, безъ общаго сознанія, и поэтому ничего не говорить ни за тенізмъ, ни за пантезізмъ. Съ другой стороны, если природа, съ научной точки зрењія, не божественна, то, съ той же точки зрењія, она,—думаетъ Гюйо, высказываясь противъ пессимизма,—и не есть нѣчто катанинское. Впрочемъ, изъ двухъ возврѣній на бытіе: *натурализма* и *идеализма*, самъ онъ склоняется къ идеализму и, вмѣстѣ съ тѣмъ, къ *пантеистическому монизму*, хотя, подобно Фуллье, *впра въ науки* и почтеніе передъ *научностью*, стоящую на безконечности, причинности и движеніи, и у него дѣлаютъ монизмъ только *призрачнымъ желаніемъ*. Что касается до материализма, то Гюйо вообще высказывается противъ него и думаетъ, что если, по новымъ теоріямъ, водородъ долженъ быть признанъ основою всего міра, то это есть нѣчто рѣшительно непостижимое безъ жизни. Съ другой стороны, онъ, подобно Фуллье, высказывается и противъ телевологіи, потому что она *не опирается* ни на какую „научную индукцію“.

Но мнѣ нѣть надобности прослѣживать дальше и въ мелочахъ пункты совпаденія возврѣній Фуллье и Гюйо: вполнѣ достаточно и указанныхъ. Вообще, примѣры такого философскаго единомыслія, какъ у нихъ *), чрезвычайно рѣдки. Въ современной Франції я, кромѣ этого, знаю только одинъ примѣръ: это—единомысліе Ренувье и Пиллона. Само собою разумѣется, что при этомъ единомысліи всѣ замѣченія и возраженія, которыя я дѣлалъ выше, въ заключеніи моего обзора системы Фуллье, относятся также и къ философіи Гюйо.

Общее заключеніе о философіи Гюйо. Говоря о вліяніи Фуллье на Гюйо, я весьма далекъ отъ того, чтобы видѣть

---

*) Поэтому, обыкновенно, и тотъ, и другой подкрѣпляетъ свои положенія, прямо приводя соответствующія мѣста изъ сочиненій другъ друга.

въ немъ только пассивнаго ученика Фуллье. Нѣтъ, уже одна талантливая и широкая натура его несовмѣстима съ однимъ пассивнымъ воспроизведеніемъ чужого! Напротивъ, онъ былъ настолько самостоятеленъ, что освѣщалъ и съ своей стороны особымъ свѣтомъ родственное и общее ему съ его другомъ направлѣніе. Это особое освѣщеніе зависѣло, по моему, главнымъ образомъ, отъ той рѣзкой личной особенности Гюйо, что онъ весьма оригинально совмѣщалъ въ себѣ и философа, и поэта; въ немъ философъ, что бываетъ рѣдко, нисколько не мѣшалъ ему быть поэтомъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Несмотря на то, что темы его поэтическихъ думъ, чувствъ и образовъ всегда были возвышенны и гармонировали съ его философски-развитымъ умомъ, все-таки въ его поэзіи нѣтъ никакихъ слѣдовъ дидактизма; она нисколько не похожа на сухія разсужденія въ стихахъ *).

Но если Гюйо не превращалъ своей поэзіи въ философию, то въ своей философіи (метафизикѣ) широко практиковалъ licentiam poëticam, или свободу, приличествующую болѣе поэту, чѣмъ философу (метафизику). Принципіально онъ, по моему, былъ, пожалуй, болѣе, чѣмъ Фуллье, позитивистомъ и скептикомъ, но на практикѣ подъ видомъ научно-метафизическіхъ гипотезъ часто дѣлалъ чрезвычайно смѣлые набѣги и прыжки въ область непознаваемаго. Правда, эти набѣги дѣлаются въ формѣ весьма остроумныхъ и соблазнительныхъ, не скажу—гипотезъ въ строгомъ смыслѣ, а *предположеній*, *догадокъ*, *чаяній*, даже просто *желаній*, но въ то же время они выражаются въ столь колеблющихся въ своемъ значеніи формулахъ, что читатель, никогда не встрѣчаясь съ явно нелѣпыми положеніями, можетъ долго еще думать, что онъ вмѣстѣ съ Гюйо стоитъ на почвѣ, хотя весьма тонкихъ и замысловатыхъ, но тѣмъ не ме-

---

*) Въ этомъ отношеніи достаточно, напримѣръ, указать на его стихотвореніе: „*L'analyse spectral*“, чтобы убѣдиться, что только истинный поэтъ могъ такъ художественно обработать и выразить такой сухой сюжетъ, по преимуществу подлежащей абстрактной наукѣ.

нѣе, философскихъ гипотезъ *). Къ этому можно еще прибавить, что свойственный Гюйо языкъ, поражающей *роскошью* въ оттѣнкахъ понятій и естественною для него, какъ поэта, *картиностю* выраженій, хотя строго-определенной мысли и не даетъ, но все-таки увлекаетъ и возбуждаетъ ожиданія.

Можетъ возбуждать ихъ, по моему мнѣнію, и „научная мораль безъ обязательствъ и санкцій“, хотя она, въ сущности, ничего не дастъ тому, кто желалъ бы имѣть моральную систему, могущую служить твердымъ руководствомъ для дѣйствій. Всякая система, которая дѣйствительно заслуживаетъ имя моральной, непремѣнно включаетъ въ себѣ *implicite*, въ ясной или скрытой формѣ, *телеологический принципъ*, который въ свою очередь такъ или иначе *постулируетъ* идею долженствованія.—Другой *примѣръ* непредѣленности мысли можно видѣть въ формулы Гюйо, резюмирующей, съ одной стороны, *основную* мысль всѣхъ его главныхъ сочиненій, касающихся искусства, морали и религіи, а съ другой, выражающей *принципъ* эволюціонизма, какъ его понимаетъ Гюйо**).

*) Таковы, напримѣръ, метафизико-поэтическія догадки и соображенія, что если въ прошедшій безконечности времени, *a parte ante*, разныя надежды и мечты о всеобщемъ счастьѣ, любви, справедливости и т. под. не осуществились, то почему же бы должно отказаться отъ надежды ихъ осуществленія и въ другой безконечности времени, *a parte post?* Вѣдь, бываютъ же такие факты, что женщина родить *теневъ* дитя, о которомъ никогда мечтала и которого желала, т. с. похожее на когда-то любимаго человѣка, котораго давно уже нѣтъ въ живыхъ. Далѣе, если наука, соображаетъ Гюйо, ничего не даетъ для личнаго бессмертія, то метафизика, опирающаяся на любовь, имѣеть право на догадку, что любящій и любимый должны же какъ-либо жить другъ въ другѣ. Почему не предположить возможности такого широкаго сознанія, въ которомъ соединяются всѣ братскія сознанія? Или почему не предположить возможности такого «естественнаго подбора (*sélection*)», что путемъ его, въ концѣ концовъ, возникнутъ божественные существа.

**) Хотя Гюйо раздѣлялъ теорію „идей - силъ“ Фуллье, однако, въ томъ далеко не развитомъ видѣ, въ какомъ она высказана была имъ еще въ разныхъ ранніхъ его сочиненіяхъ (напримѣръ, въ 1880 г.); но въ окончательной формѣ, въ которой мы съ нею познакомились и въ которой она стала для самого Фуллье основаніемъ теоріи эволюціи, Гюйо съ нею не былъ знакомъ, такъ какъ умеръ ранѣе. Поэтому и вышло то, что теорія эволюціи формулирована у обоихъ философовъ нѣсколько разично. Впрочемъ,

По этой формуле эволюция состоитъ въ *сознаниі широкой* (*expansion*) и *интенсивной* (*intensité*) жизни. Конечно, эта формула заключаетъ въ себѣ нѣчто вѣрное, но только приблизительно; точнѣе говоря, она только намекъ на истину—уже потому, что всѣ термины ея могутъ быть понимаемы различно и съ различныхъ точекъ зрења. Терминъ: „жизнь“, напримѣръ, значитъ, съ точки зрења физиологии, одно, а съ точки зрења сознанія, или психологіи — совсѣмъ другое. Точно также терминъ: „расширение“—весьма двусмысленъ. Значитъ ли оно *воспроизведеніе жизни вовѣ* *), или же постепенное *развитіе задатковъ нашего существа, нашей природы* **)? Конечно, можно прибавить къ вышеприведенной формуле два слова и сказать: сознаніе экспансивной и интенсивной жизни во *всехъ отношеніяхъ*. Но возможно ли сознавать себя въ одно и то же время и Донъ - Жуаномъ, и великимъ ученымъ, и искуснейшимъ художникомъ, и техникомъ, и великимъ полководцемъ, финансистомъ и т. под. безъ конца? Неизбѣженъ какой-либо порядокъ въ дѣятельностяхъ,—порядокъ, обусловливаемый цѣлями, расположеннымыи въ іерархическомъ ряду, въ которомъ низшія должны быть подчинены высшимъ и, въ концѣ концовъ, всѣ подчинены одной послѣдней, высочайшей. Далѣе, цѣли эти не могутъ зависѣть только отъ доброй воли и постановки преслѣдующаго ихъ субъекта, но отъ объективныхъ отношеній его въ разныхъ системахъ, гдѣ его дѣя-

---

разница эта не существенна и касается болѣе вѣшняго выраженія, чѣмъ сущности.

*) Лѣтъ двадцать пять тому назадъ г. Флеровскій, одинъ изъ нашихъ публицистовъ, видѣлъ весь прогрессъ въ томъ, чтобы „плодить жизнь“, а потому считалъ китайцевъ самою прогрессивною націей. Далѣе, развѣ можно отказать въ *сознаніи расширенной и интенсивной жизни*: Донъ-Жуану, Тамерлану, Наполеону, наконецъ, Нерону и т. под.,—однимъ словомъ, всѣмъ энергичнымъ и способнымъ людямъ, безъ различія цѣлей ихъ жизни и средствъ, которыми они ихъ преслѣдуютъ и достигаютъ.

**) Но для этого, замѣчу я кстати, нужно, чтобы наше существо было субстанціей, а между тѣмъ, по Гюю, наше „я“ есть нѣчто сложное и собирательное, такъ какъ нашъ организмъ образованъ изъ множества элементарныхъ организмовъ.

тельность координируется съ дѣятельностью другихъ существъ, въ системахъ: семейной, общественной, народной, государственной, общечеловѣческой, наконецъ, міровой... На всѣ эти запросы и недоразумѣнія мы надлежашихъ рѣшеній у Гюйо не найдемъ; всѣ его объясненія не достаточны, по ихъ неопредѣленности, и требуютъ новыхъ объясненій и т. д. безъ конца, потому что исходные пункты возврѣній Гюйо, какъ и Фуллье, коренятся еще въ старой философской почвѣ.

Такимъ образомъ, я могу смѣло сказать, что и Гюйо такъ же, какъ и Фуллье, не могъ удовлетворительно привести своего эволюціонизма, состоящаго въ сознаніи экспансивной и интенсивной жизни, а также не справился и съ понятіями матеріи и движенія и потому, конечно, не могъ преодолѣть господствующаго цѣлья вѣка въ философіи дуализма.

III.

Тардъ, какъ соціологъ-полупозитivistъ.

Всякая вполнѣ развитая философская система черезъ посредство тѣхъ своихъ понятій, которыя становятся *основными и исходными* для частныхъ наукъ, можетъ отражаться во всѣхъ сферахъ знанія человѣческаго (наукахъ), но прежде всего она высказывается въ слѣдующихъ *специально философскихъ дисциплинахъ*: метафизикѣ, теоріи познанія или логикѣ, этикѣ, психологіи, правовѣдѣніи и обществовѣдѣніи (или по другой терминологіи: соціологіи, философіи истории). Но далеко не всегда система философа того или другого направленія выражается *de facto* во всемъ циклѣ сейчасъ названныхъ философскихъ наукъ. Часто философъ ограничивается въ своей дѣятельности одной или двумя изъ вышенназванныхъ дисциплинъ; прочия же такъ или иначе подразумѣваются.

Что касается до Тарда, то большая часть его сочиненій относится къ *обществовидѣнію и правоудѣнію*^{*)} и различнымъ

---

^{*)} Тардъ долго отправлялъ весьма почетную ко Франціи профессію судебнаго слѣдователя, выступилъ на литературное поприще болѣе десяти лѣтъ тому

ихъ сторонамъ или отдѣламъ, за исключеніемъ весьма немногихъ статей, которая принадлежать отчасти къ психологіи, отчасти же къ философіи природы и указываютъ на тѣ основныя философскія начала, съ точки зрењія которыхъ онъ понимаетъ общество и его жизнь и которая даютъ право причислить его къ группе полупозитивистовъ.

Однимъ изъ самыхъ раннихъ и основоположныхъ является его сочиненіе: „La croyance et le désir et la possibilité de leur mesure“ (Увѣренность, желаніе и возможность ихъ измѣренія), помещенное въ Revue Philosoph. 1880 г., въ №№ 8 и 9. Здѣсь Тардъ изслѣдуетъ основныя, по его мнѣнію, *психологическая* силы, изъ которыхъ комбинируется все разнообразіе нашей индивидуальной психической, а затѣмъ и общественной жизни. Это: *увѣренность*, *желаніе* и *ощущеніе*. Увѣренность и желаніе, не сводимыя на ощущенія, составляютъ, по Тарду, единственное условіе для того, чтобы *содержаніе ощущеній* вошло *въ наше знаніе*, т.-е. чтобы различныя ощущенія въ различныхъ степеняхъ могли комбинироваться другъ съ другомъ въ наши разнообразныя психическія состоянія: воспріятіе, воспоминаніе, память, удовольствіе и страданіе, любовь, ненависть, сознаніе истины и блага и многія другія. Входя въ эти состоянія всего чаще вмѣстѣ и въ неравныхъ дозахъ, увѣренность и желаніе сообщаютъ имъ характеръ *комицественный*. Каждое же данное чистое ощущеніе не воспроизведимо, а потому и не способно къ той перемѣнѣ, которая называется *увеличеніемъ* и *уменьшеніемъ*. Предметъ нашихъ желаній есть всегда *реальное осуществленіе* ощущеній, которое зависитъ отъ достовѣрности возможности этого осуществленія. Значить, всѣ наши страсти и желанія—положительныя и отрицательныя—ведутъ къ увѣренности, къ знанію. Поэтому какъ личная

назадъ и сразу обнаружилъ значительный талантъ, эрудицію и большую производительность. Сочиненія его многочисленны и сначала печатались въ видѣ небольшихъ статей въ журналахъ (главнымъ образомъ, въ «Revue Philosophique»), а потомъ изъ нихъ составлялись цѣлые книги. Я, возможно кратко, коснусь и скажу только о важнѣйшихъ для моей цѣли.

жизнь отдельного человѣка, такъ и жизнь общества и всего человѣчества постоянно увеличиваютъ массу увѣренностей, между тѣмъ какъ желанія ослабѣваютъ вслѣдствіе удовлетворенія или остаются стационарными; но все-таки человѣческія желанія никогда не останавливаются, а лишь замѣняются все новыми и новыми, однако, далеко не въ такой прогрессіи, въ какой возникаютъ новыя увѣренности, достовѣрности. Этотъ ростъ ихъ и есть не что иное, какъ вся возрастающая цивилизациѣ, наука и всевозможная общественная учрежденія, въ которыхъ какъ бы материализуется сила увѣренности. Увѣренность и желаніе для ощущеній, по Тарду, то же, что пространство и время для материальнаго міра. Ощущенія же соотвѣтствуютъ распределюющейся въ нихъ матерії. Какъ невозможно было бы естествовѣдѣніе безъ пространства и времени, комбинація которыхъ даетъ движение, такъ невозможенъ былъ бы и психической міръ безъ комбинаціи различныхъ степеней увѣренности и желанія, которая суть, по Тарду, количества, подобно пространству и времени, а безъ количества и измѣренія невозможны науки и ихъ законы. Какъ идеаль естествовѣдѣнія—свести качества тѣль на движенія и количества, такъ и идеаль психологіи—свести ощущенія на увѣренность и желаніе.

Эту характеристику психическихъ силъ: увѣренности и желанія, Тардъ иллюстрируетъ и какъ бы подкрѣпляетъ аналоіями, заимствованными изъ наукъ о мірѣ физическомъ въ двухъ особыхъ сочиненіяхъ, относящихся къ философіи природы и помѣщеныхъ также въ *Revue Philosophique*. Одно изъ нихъ «*Les traits communs de la nature et de l'histoire*»: (Общія черты въ природѣ и исторіи) напечатано въ 1882 г. № 9, а другое: «*Darwinisme naturel et darwinisme social*» (Дарвинизмъ въ природѣ и дарвинизмъ въ обществѣ) въ 1884 г., № 6 *). Сущность этихъ двухъ сочиненій въ самомъ краткомъ

*) Я считаю не безполезнымъ упомянуть, что къ статьѣ объ увѣренности и желаніи тѣсно примыкаетъ статья въ R. Ph. 1881 г. №№ 9 и 10—«*La psychologie en économie politique*» (Психологія въ политической экономіи), гдѣ

изложении состоитъ въ слѣдующемъ. Всякая наука прежде всего живеть числомъ и мѣрою,—слѣдовательно, возможна только тамъ, гдѣ существуетъ однообразное повтореніе фактовъ, дозволяющее обобщать ихъ въ законы, вычислять и измѣрять. Такія сходства, происходящія отъ *повтореній*, существуютъ во всѣхъ сферахъ знанія. Въ области физической господствуетъ *колебательное, волнообразное повтореніе* (движение) атомовъ и молекулъ. Въ мірѣ органическомъ это повтореніе (или воспроизведеніе, наростаніе) состоить въ *наследственности*, воспроизведеніи себѣ подобныхъ, и наконецъ, въ области соціальной является повтореніе *подражательное* (въ обычаяхъ, модахъ, симпатіяхъ, повиновеніи, воспитаніи и т. под.).

Тардъ подробно развиваетъ аналогіи между этими повтореніями, причемъ, конечно, явленія міра органическаго и общественнаго уподобляетъ явленіямъ міра физическаго. Въ связи съ этими аналогіями онъ оспариваетъ ставшее моднымъ, ошибочное мнѣніе Спенсера и другихъ соціологовъ, что будто бы общество и его образованіе есть нечто болѣе сложное и непонятное, чѣмъ происхожденіе и строеніе организмовъ, или даже предметовъ неорганической природы, и что поэтому мы должны строить понятіе объ обществѣ на основанії біологии, по аналогіи съ материальнымъ организмомъ. Тардъ, съ своей стороны, доказываетъ, что общество и факты его происхожденія и образованія намъ гораздо извѣстнѣе и яснѣе, чѣмъ факты происхожденія организма, потому что первые раздѣльнѣе и непосредственно знакомѣе, чѣмъ вторые. Отъ этого предразсудка, по Тарду, вносятся дарвинистами-соціологами въ понятія

Тардъ прилагаетъ сейчасъ изложенную теорію къ политической экономіи и доказываетъ, что и въ этой области господствуютъ тѣ же силы увѣренности и желанія. Вслѣдствіе этого у него являются совершенно въ иномъ, сравнительно съ господствующими воззрѣніями, видѣ *основная экономическая понятія*, напримѣръ, цѣнности, капитала, труда и пр. Не входя въ изложеніе этой теоріи, я замѣчу только, что она весьма остроумна и оригинальна и что читатель можетъ познакомиться съ нею по подробному изложенію ея въ моемъ этюдѣ: „Тардъ и его теорія общества“. 1887 г.

общества, его происхождения и жизни ложные элементы. Въ соціологію изъ біологіи вносится одностороннее и утилитарное понятіе борьбы и подбора, посредствомъ которыхъ будто бы въ обществахъ сохраняется только полезное для его членовъ, между тѣмъ какъ исторія общественной жизни указываетъ намъ, что одними борьбой и подборомъ никакъ не можетъ объясняться сохраненіе многихъ общественныхъ явлений. Въ этомъ случаѣ, соціологіей упускается изъ виду важное значеніе въ обществѣ изобрѣтеній чего-либо новаго, хотя бы и мало полезнаго или совсѣмъ безполезнаго, но появляющагося не въ силу борьбы за *уже известные* интересы и потребности, а просто въ силу большаго или меньшаго генія изобрѣтателя, созидающаго совершенно новые интересы, потребности и отношенія, потому что для него самого изобрѣтеніе связано съ великимъ наслажденіемъ. Распространяются же и сохраняются изобрѣтенія путемъ подражанія.

Теперь я укажу на важное сочиненіе Тарда, помѣщенное въ № II-мъ 1884 г. Revue Philosophique, где онъ отвѣчаетъ на вопросъ: „что такое общество“ и оспариваетъ мысль, что будто бы общество, цивилизующъ, отдаетъ предпочтеніе экономическимъ отношеніямъ передъ юридическими и что въ основѣ общественной жизни лежитъ *взаимный обменъ услугъ*. По Тарду, общество есть скорѣе всего „*взаимное определеніе соглашеній, правъ и обязанностей*“, а не взаимная помощь. „Соціальная жизнь,—говорить онъ,—есть собраніе существъ, готовыхъ подражать другъ другу, или такихъ, которыхъ, не подражая другъ другу, сходны одни съ другими и имѣютъ общія черты, представляющія старинныя копіи съ одного и того же образца“. Резюмируя эту статью, Тардъ заключаетъ, что общество есть подражаніе, „а подражаніе есть видъ сомнамбулизма“ и подкрѣпляетъ это положеніе указаніями на исторію, где великие люди, принадлежащіе къ разнымъ областямъ жизни и дѣятельности: цари, полководцы, основатели религій и другіе общественные дѣятели, вообще, всякие выдающіеся люди такъ же обаятельно

и неотразимо дѣйствовали на общество, какъ магнетизеры на сомнамбуль.

Къ этому сочиненію тѣсно примыкаетъ другое, появившееся значительно позже (въ 1890 г.), „Les lois de l'imitation, étude sociologique“ (Законы подражанія. Соціологіческий этюдъ). Въ немъ высказывается та мысль, что во всѣхъ вышеозначенныхъ трехъ формахъ повтореній предполагается нечто новое и первичное (въ соціологіи—изобрѣтеніе); отсюда, заключаетъ Тардъ, исторія есть не что иное, какъ собраніе вещей, которымъ наиболѣе подражали. Причины же подражанія, по его мнѣнію, двояки: однѣ логическія, а другія не логическія. Первыя основываются на признаніи полезности или истинности, вторыя же—на преемствѣ, или переходѣ отъ высшаго къ низшему, отъ модели къ копіи, отъ господина къ слугѣ и т. под. Къ нелогическимъ подражаніямъ принадлежать: подражаніе предкамъ, древнимъ—*обычай*, или же современникамъ и всего чаще чужимъ—*мода*. Въ разные эпохи господствуетъ то одно, то другое подражаніе; значитъ, въ концѣ концовъ, въ основѣ всяческихъ *единообразій* и естественныхъ законовъ лежить случай *).

Для моей цѣли совершенно достаточно настоящаго краткаго знакомства съ Тардомъ, какъ съ соціологомъ, поэтому я совсѣмъ не коснусь его сочиненій **) по правовѣдѣнію и не буду говорить о немъ съ этой точки зрѣнія. Для читателей же, желающихъ познакомиться съ Тардомъ въ этомъ отношеніи, могу указать на почтеннную и компетентную статью на русскомъ языкѣ г. Спасовича: „Новые направлениа въ наукѣ уголовнаго права“ (Вѣстникъ Европы 1891 г., № 10).

*) Въ этомъ сочиненіи встрѣчается, между прочимъ, довольно вѣрная мысль, что соціальная наука, или соціология, не можетъ существовать, подобно другимъ наукамъ, въ отдѣльности отъ соціальной философіи, а потому стремленіе многихъ сдѣлать ее позитивною (эмпирическою, фактическою, не зависящею отъ философскихъ системъ) наукой есть, по Тарду, не болѣе, какъ иллюзія.

**) Таковы, напримѣръ, „Le type criminel“ (Типъ преступника) 1885 г. (по по-виду сочиненій Ломброзо и Гарофало), или статья: „Problèmes de criminalité“ (Вопросы, относящіеся къ преступности); или позднѣйшее обширное сочиненіе: „La philosophie pénale“ (Философія уголовнаго права).

Общее заключение о Тардѣ и о полупозитивизмѣ.

Мнѣ кажется, что едва ли кто, познакомившись съ Тардомъ только по краткимъ, сдѣланнымъ мною, указаниямъ, станетъ оспаривать его *талантливость* и *оригинальность*. И дѣйствительно, онѣ проявляются не только въ цѣлыхъ его статьяхъ, но весьма часто даже и въ отдельныхъ замѣчаніяхъ, положеніяхъ и опредѣленіяхъ, которыя высказаны какъ бы мимоходомъ, безъ тѣсной связи съ главными темами его сочиненій. Они иногда бываютъ такъ мѣтки и содержательны, что невольно сравниваешь ихъ съ электрическими искрами и думаешь, что ихъ можно было бы разить даже въ цѣлые сочиненія. Но, несмотря на эту блестящую талантливость Тарда, у него встрѣчаются и недостатки, которые зависятъ отчасти отъ общаго направления, которому онъ слѣдуетъ, отчасти же отъ его личныхъ свойствъ, преимущественно же отъ спѣшности въ работѣ, сказавшейся въ невыработанности его понятій и промахахъ въ проведении и формулировкѣ его положеній.

Невыработанность понятій и ея обычное слѣдствіе—ихъ неясность и возможность смѣщенія—обнаруживается у Тарда всего болѣе въ областяхъ метафизики, теоріи познанія и психологіи. Совершенно справедливо считаетъ онъ увѣренность и желаніе несводимыми на ощущенія и тѣмъ, выходя изъ рядовъ сенсуалистовъ, должны быть включены въ категорію полупозитивистовъ. Однако, онъ при этомъ, по моему, ошибается, думая, что увѣренность есть *первоначальная* психическая сила. Увѣренность и противоположное ей сомнѣніе суть уже производная и сложная психическая состоянія, въ которыхъ входятъ акты психическихъ функцій: мышенія и чувства (воли). Далѣе, желаніе, или воля, конечно, есть нѣчто первоначальное, но у Тарда неясно, отождествляетъ ли онъ волю съ чувствомъ, или же считаетъ раздѣльными. Если же раздѣляетъ, то тогда почему не считаетъ онъ чувство (эмоцію) столь же основною силою, какъ и волю, или желаніе. Потомъ я еще долженъ указать на

важную, по моему, ошибку у Тарда въ томъ, что онъ считаетъ пространство и время и, далѣе, увѣренность и желаніе количествами. Не только желаніе и увѣренность, но и пространство съ временемъ вовсе *не суть* количества. Впрочемъ, эту ошибку Тардъ раздѣляетъ со многими философами *), которые считаютъ величину, или количество, реальностью, существующую о себѣ, тогда какъ это—только продукты нашего мышленія, сравнивающаго свои объекты съ точки зре́нія категоріи величины. Для меня очевидно, что Тардъ впалъ въ эту ошибку отъ *поспѣшина* желанія ввести въ науку о психическихъ состояніяхъ элементы, которые сдѣлали бы ее похожею на естественные науки, представляющіяся и ему, вмѣстѣ съ позитивистами и полупозитивистами, *образцомъ* знанія и достовѣрности. Подобно имъ, и Тардъ тихомолкомъ субстанціруетъ пространство и время и, такъ какъ эти идеи (при помощи фантазіи) у людей (но не у животныхъ) довольно рано подвергаются сравненію, измѣренію, счету, то и не замѣчаетъ, что они дѣлаются количествами только *условно*, въ сравнивающемъ (измѣряющемъ) человѣческомъ мышленіи, а потому вмѣстѣ съ ними субстанціруется и ихъ *количественность*. Само собою разумѣется, что вмѣстѣ съ этимъ уже кладутся незыблемыя основанія для философскаго дуализма духа и матеріи и для обычнаго затѣмъ наклона къ материализму. Впрочемъ, Тардъ, сколько мнѣ известно, и не клянется, подобно Фуллье, быть правовѣрнымъ монистомъ. Отъ того же поспѣшнаго стремленія *опозитивистъ* науку объ обществѣ, или поставить ее на ряду съ естество-знаніемъ, происходятъ и *неправильные* аналогіи, въ которыхъ Тардъ отождествляетъ повторенія въ наследствен-

*.) Пространство и время суть точки зре́нія, съ которыхъ мы совершаємъ наши акты мышленія, когда упорядочиваемъ или *всѣ* наши состоянія (во времени—прежде, послѣ, потомъ), или же *только* ощущенія (въ пространствѣ—рядомъ, подлѣ). Конечно, пространство и время, какъ и само ощущеніе, допускаютъ приложеніе къ нимъ актовъ мышленія съ точки зре́нія величины, или количества, но сами они никакъ не количества; количество *нигдѣ*, кроме какъ въ этихъ актахъ нашего сравнивающаго мышленія, не существуетъ.

ности и въ подражаніи съ повтореніями въ волнообразномъ движениі атомовъ и молекулъ. Вѣдь, отождествлять наслѣдственность, или соціальное подражаніе, съ механическими движеніями, состоящими въ перемѣнѣ мяста въ пространствѣ, можно только физурально, въ переносномъ смыслѣ, и слѣдовательно, дѣлать заключенія по аналогіи тогда, когда термины, которыми выражаются аналогизируемые предметы, въ одномъ случаѣ берутся въ прямомъ, а въ другомъ—въ переносномъ смыслѣ,—неправильно; отсюда можно получить только ложное умозаключеніе по аналогіи.

Но такія же погрѣшности и невыработанность понятій встрѣчаемъ мы и въ специальной области Тарда,—соціологии. Такъ, напримѣръ, онъ вѣрно включилъ подражаніе *) въ факторы общественной жизни, а между тѣмъ не сдѣлалъ попытки объяснить, почему посредствомъ подражанія осуществляется соціализація, или общность въ языкѣ, образованіи, воспитаніи, идеяхъ, нравахъ и т. под. Иначе говоря, онъ не остановился надъ вопросомъ о происхожденіи подражанія **) и не попытался разрѣшить его, хотя бы съ точки зрењія какой-либо гипотезы. Но если бы кто-либо, становясь на позитивистическую точку зрењія, возразилъ за Тарда, что ему вовсе не было надобности входить въ метафизическая гипотезы и можно было удовлетвориться простымъ „научно-констатированнымъ фактомъ“ подражанія, то слѣдующій упрекъ кажется мнѣ уже ничѣмъ не устранимымъ, а именно: Тардъ не далъ определенія понятію подражанія, потому что красавая фраза: „подражаніе есть видъ сомнамбулизма“, есть только фраза, но не настоящее опредѣленіе, потому что сомнамбулизмъ есть частный и притомъ аномальный случай, а подражаніе у

*) Правда, подражаніе поставлено у него слишкомъ односторонне, ибо однимъ этимъ факторомъ нельзя объяснить соціализаціи въ ся цѣломъ.

**) Корень этого важнаго понятія лежитъ, по моему, сперва въ координаціи актовъ различныхъ, дѣятельностей въ сферѣ одной субстанціи и, далѣе, въ сферѣ взаимодѣйствія каждой субстанціи съ другими въ системѣ цѣлаго міра.

Тарда есть нормальный общественный процессъ. Впрочемъ, Тардъ, по моему, вообще не имѣетъ права укрываться отъ гипотезъ подъ знамя чистаго позитивизма, потому что онъ позволяетъ себѣ совершенно *не научныя*, сказаль бы строгій позитивистъ, предположенія. Такъ, въ статьѣ о дарвинизмѣ онъ, правда, недостаточно ясно, лѣаетъ предположенія, что въ физическихъ молекулахъ или даже въ атомахъ есть какія-то первоначальная *внутреннія психическая состоянія*, такъ что эти основные дѣятели природы производятъ не только все разнообразіе явленій міра физического (волны свѣта, теплоты, электричества и проч.), но и первоначальные ощущенія, мысли, желанія и чувства. Вотъ въ этомъ-то пунктѣ и заключалась, по моему, для Тарда возможность метафизического объясненія какъ факта подражанія, такъ вмѣстѣ съ тѣмъ и факта первоначального изобрѣтенія; но онъ уклонился отъ этого объясненія въ обычный *asylum ignorantis*, или признаніе случайности. Но если бы онъ сдѣлалъ попытку къ метафизическій гипотезѣ, то, по моему, весьма вѣроятно столкнулся бы съ двумя затруднительными для него понятіями — *телеологии и субстанціи*. Какъ видно изъ разныхъ его сочиненій, вообще онъ вовсе не относится къ телеслогіи отрицательно по принципу, подобно Фуллье и Гюю: но для него было бы весьма трудно и даже невозможно — провести безъ грѣховъ противъ логики телеслогическое объясненіе изобрѣтенія и подражанія при томъ условіи, чтобы послѣдними принципами этого объясненія были молекулы и атомы, хотя бы и снабженные какими-либо внутренними состояніями. Что же касается до понятія субстанціи, то Тардъ, конечно, признаетъ наше „я“ практически, или „въ обыкновенномъ смыслѣ“, по выражению Тэна, не различая при этомъ понятій субстанціи и личности *).

---

*.) Кстати должно замѣтить, что Тардъ весьма энергично отстаиваетъ действительность и тождественность индивидуума или лица, когда касается понятія юридической *ответственности* и когда оспаривается нѣкоторыя современные уголовныя теоріи, рассматривающія преступника, какъ естественный

Итакъ, изъ всего предыдущаго несомнѣнно, что Тардъ ничѣмъ, кромѣ различій индивидуальныхъ, а также зависящихъ отъ главнаго предмета его философской дѣятельности, не отличается отъ Фуллье и Гюо и имѣетъ полное право войти въ одну съ ними категорію полупозитивистовъ.

Въ заключеніе моей статьи мнѣ остается только возможно кратко сказать, что я разумѣю подъ французскимъ полупозитивизмомъ.

Хотя это направленіе и вышло изъ позитивизма въ качествѣ реакціи противъ него, но все-таки носить на себѣ многіе его признаки. Оно отрекается отъ господствовавшихъ прежде направленій философіи во Франціи: *стіфтуализма* и *матеріализма*; но точно такъ же не согласно оно и съ *позитивизмомъ*, который возникъ тамъ, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ англійской философіи и который нѣсколько лѣтъ тому назадъ можно было даже считать преобладающимъ. Въ основаніи болѣе чистаго позитивизма лежитъ *сенсуалистическая теорія познанія*, по которой, хотя и признается на ряду съ чувственнымъ познаніемъ умственное, но оно всецѣло сводится на чувственное, такъ что умственное никакого самостоятельнаго и реальнаго значенія не имѣетъ. Поэтому, при образованіи на узкомъ базисѣ этой теоріи познанія цѣлыхъ философскихъ учений и системъ, сенсуализмъ (или чистый позитивизмъ), въ силу требованій мыслица *разума*, неизбѣжно впадаетъ въ метафизику матеріализма, все-таки, хотя и обманчиво, но удовлетворяющаго этимъ требованіямъ, и именно научнаго матеріализма, который ищетъ и находитъ въ естественныхъ наукахъ *алѣфу* и *омегу* всяческой *реальности* и *достовѣрности*, не понимая того, что, въ строгомъ смыслѣ слова, никакого внѣшняго опыта и познанія нѣтъ, такъ какъ ощущенія принадлежать также къ внутреннему опыту, и что естественные науки стоять только на условныхъ понятіяхъ и имѣютъ *условное*,

---

и продуктъ природы, невмѣняемый въ смыслѣ юридическомъ. Но все-таки онъ въ принципѣ относится къ субстанціальности нашего «я» такъ же, какъ и другие позитивисты и полупозитивисты.

символическое значение. Полупозитивизмъ и представляетъ *реакцію* противъ сенсуалистическо-позитивистического направлениі, хотя ясно и не сознаетъ такого своего происхожденія и значенія. Не удовлетворяясь сенсуалистической или даже скептической теоріей познанія, полупозитивизмъ признаетъ реальностью не одно только ощущеніе, данное, по его ошибочному мнѣнію, во вѣшнемъ чувственномъ опыта, но хочетъ признать ее и за другими психическими дѣятельностями человѣка, данными во внутреннемъ опыте непосредственного сознанія. Но такъ какъ онъ, вмѣстѣ съ позитивизмомъ, считаетъ за исходную точку истинного и достовѣрнѣйшаго философскаго познанія естественные науки, то впадаетъ въ разныя нераэрѣшмы затрудненія и противорѣчія (напримѣръ, субстанціруетъ понятія и представленія), какъ это мы видѣли на примѣрѣ Фуллье *). Но и въ этомъ пункте признанія реальными различныхъ другихъ психическихъ дѣятельностей, а не одного ощущенія, полупозитивизмъ не освобождается отъ важнаго заблужденія. Вѣдь, еще недостаточно признать *реальными* волю, чувство, разумъ или идею; нужно признать реальною и субстанцію человѣка, потому что всѣ эти функции, сами по себѣ, въ отдѣльности не существуютъ, а существуютъ только различно координированными въ томъ существѣ, которое въ нихъ проявляется и дѣйствуетъ, именно,—въ человѣческой субстанціи. Отсюда, если признаются реальными только эти функции (акциденціи), но не признается таковымъ ихъ носитель (субстанція), то даже и такие талантливые люди, какъ, напримѣръ, Фуллье, неизбѣжно впадаютъ въ разныя ошибки и недоразумѣнія.

А. Козловъ.

*.) Извѣстно, что я выбралъ Фуллье, Гюйо и Тарда представителями этого направлениія вовсе не слѣдуетъ, чтобы въ немъ не было другихъ второстепенныхъ и менѣе извѣстныхъ представителей.